

91 - МАР 1934
Г. Ц. Н. П.
ЦЕНА 20 КОП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Вчера вечером в полном зале Оргкомитета ССП СССР с большим докладом об итогах XVII съезда партии выступил зав. культурно-просвет. ЦК ВКП(б) т. А. И. Стецкий.

В своем докладе, изобилующем интересными фактами и

цифрами, т. Стецкий уделил особое внимание задачам советской литературы во второй пятилетке, подчеркивая в частности необходимость решительного улучшения организационных методов работы писательских организаций и развертывания среди писателей самой широкой самокритики.

БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО

6 марта открывается пленум все союзного Оргкомитета Союза советских писателей. Пленуму предстоит определить конкретные задачи, стоящие перед советской литературой в связи с решениями XVII съезда ВКП(б), проверить подготовку к предстоящему всесоюзному съезду советских писателей и подвести итоги литературного развития за время, прошедшее после 23 пленума Оргкомитета (февраль 1933 г.).

Партия приняла 23 января 1932 года решение о перестройке литературно-художественных организаций, ставила перед собою задачу устранения причин, которые задерживали развитие социалистического искусства и сплочения коммунистических писателей и беспартийных советских писателей вокруг генеральной линии партии. Эта задача разрешена.

За последнее время советская литература добилась значительных успехов. Появился ряд ценных произведений. Выступили немало молодых одаренных писателей. Расширился круг тематики. Сплошное стало работа коммунистов-литераторов, объединенных борьбой за линию партии в художественной литературе. Значительно ближе подошли к партии и к социалистическому пролетариату широкие слои беспартийных писателей. Возросло внимание к вопросам художественной литературы со стороны партийного актива рабочих и колхозников.

Созданы, таким образом, необходимые предпосылки для того, чтобы предстоящий всесоюзный съезд советских писателей превратился в крупнейшее событие на фронте культурной революции, в историческую веху на пути создания большого социалистического искусства.

Но, тем не менее, бесспорные успехи советской литературы — лучшие литературные мир — не должны сейчас успокаивать. Особенно не вредны сейчас самоуспокоенность, коммуналство, почтение на лавах. Все дело заключается в том, что еще велико отставание советской литературы от практики социалистического строительства, что всемирно-исторический размах этого строительства его смысл, его романтика не находят полного отражения в художественной литературе, что возросшие эстетические запросы передовых отрядов армии социалистических строителей еще не получают полного своего удовлетворения.

Буржуазная критика, литературные меньшинства, троцкисты и правые оппортунисты пытаются выдать отставание художественной литературы за имманентный закон искусства. Они искажали историю, пытались затуманить те огромные преимущества, которые открывают перед художником социалистический строй. Нет, большое социалистическое искусство, которое мы создаем, не будет ничем иным, кроме как политическим, философским, научным идеями своего времени, выражая их на своем языке и давая для дальнейшего развития богатый материал художественных образов.

Однако на сегодняшний день такое отставание — нереально. Но оно коренится вовсе не в самом искусстве, не в специфике развития искусства, не в отставании календар художников слова. Оно, это отставание, выражает собою детскую болезнь социалистического искусства, является признаком того, что советская литература еще далеко не полностью разрешила стоящие перед нею задачи.

В литературной среде нет недостатка в вульгаризаторах, которые выдумывают свои скороспелые рецепты. У них нет никакой потребности, которые не в состоянии отставания литературы внять в работе рыцаря, в своеобразном литературном рекордсмене, в погоне за количественными показателями в ущерб качественным, в полемике искусства больших художественных обобщений — непременной и непереходимой публицистической, «леваческой» вульгаризации, сейчас выражающейся в вопросах литературной работы, именно в такой полемике искусства публицистической, в пренебрежительном отношении к глубоким и продуманным художественным обобщениям, в невнимании к вопросам формы и к мастерству художника, в отмахивании от учебной и овладения культурным наследством прошлого.

Мы должны видеть все многообразие литературного движения сегодняшнего дня и в соответствии к нему относиться. В нашей стране большое количество передовиков социалистической строки — рабочих и колхозников — именно за последнее время влезло за перо для того, чтобы рассказать о себе, о своей жизни, о своем опыте борьбы. Здесь писатель-профессионал выступает в роли организатора, оформителя, одобрения, руководителя и помощника в этой, только в СССР возможной, литературной работе. Так появляются, например,

«Люди СТЗ», «Четыре поколения» и другие книги, значение которых велико и которые ценны и необходимы.

В нашей стране появляются и другие, столь же ценные и необходимые книги, значение которых состоит в том, чтобы дать моментальную фотографию замечательных событий, дел и людей нашей современности. Так возникают книги о Беломорско-Балтийском канале, о полете страстности и т. д. Но, само собою понятно, эти книги вовсе не исчерпывают советскую литературу. Все настоящее требует от советских писателей культурно и эстетически выросшие миллионы трудящихся СССР больших художественных полотен, глубоких и правдивых по замыслу, отличающихся хорошим знанием действительности и мастерских по форме. Они требуют от писателей, чтобы художественная литература в совершенных образах раскрыла перед нами сущность нашей действительности, показала им движение к завтрашнему дню действительности, помогла им глубже и правильнее понять мир и усилила бы в них уверенность в своих силах, любовь к социализму и ненависть к его врагам. Не искусство «одиночек», но искусство, которое будет достойно выросшего, распрямившегося, развившего все свои возможности и способности свободного человека социалистического общества.

Могучее и правдивое искусство социалистического реализма, вот какое искусство создается в СССР. Советские писатели за последние время многое видели, многое наблюдали, многое освоили. В известной мере ликвидирована прежняя кабинетная отгороженность писателя от жизни. Нам и впредь нужно бороться за развитие нового типа писателя, который бы умел своим глазом художника постигать новое в нашей действительности, находил в гуще событий социалистической революции, а не высасывал бы тощие абстракции измученных образов из палаты. Но сейчас особенно необходимо заострить внимание на борьбе за качество литературы. Эта борьба за качество есть существующее новое искусство писателя. Вот почему такое большое политическое значение имеют основные положения последних выступлений А. М. Горького, поднимающих вопросы качества языка, мастерства, учения.

И поэтому столь необходимо разветвление творческой дискуссии перед съездом писателей. Необходимо по-настоящему замкнуть разрозненные усилия писателей, чтобы все основные произведения советской литературы, привлекая и материал смежных областей искусства. Нам необходимо прямо и правдиво установить, какие стороны этих произведений выражают силу советской литературы и какие свидетельствуют о недостаточной зрелости последней. Такая дискуссия, необходимая и метод взаимного творческого ознакомления — все это привело к тому, что в орбиту обсуждения литературных вопросов на пленуме Оргкомитета и в последующей предсъездовской работе будут вовлечены произведения писателей русских, как и писателей украинцев, писателей армянских, еврейских, грузинских, узбекских, белорусских, татарских и т. д. и т. д.

Для того чтобы реализовать решения XVII съезда ВКП(б) применительно к литературе, необходимо, чтобы писатели, теснее сплотившись вокруг партии, Классовая борьба и в литературе принимает порою особенно обостренные формы. Пленум Оргкомитета будет новым шагом к теснейшему сплочению советских писателей для дальнейшей и успешной борьбы за большое социалистическое искусство, за литературу, которая воодушевлена великими идеями Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина.

Пленум Оргкомитета будет новым шагом к теснейшему сплочению советских писателей для дальнейшей и успешной борьбы за большое социалистическое искусство, за литературу, которая воодушевлена великими идеями Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина.

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

№ 26 (341)

4 МАРТА 1934 года

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Э. БАГРИНКОГО, А. ВОЗНУКОВА, М. КОЛ- ПОВА, В. ЛЮДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, В. СЕЛЬНИНСКОГО, М. СУВО- РОВА, М. СЕВЕРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСНИЧЕВ.

СЕГОДНЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

15 лет Коминтерна

15 лет назад, в марте 1919 года, в Москве был основан Третий Коммунистический Интернационал. Он был организован после долгих лет ожесточенной борьбы против оппортунизма и социал-шовинизма во II Интернационале, окончательно превративших его в контрреволюционную агентуру буржуазии в рядах рабочего класса.

«Всемирно-историческое значение III Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал превращать в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подвешенный к великому развитию социализма и рабочего движения лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата», писал Ленин об основании Коммунистического Интернационала и его месте в истории.

Пятнадцать лет борьбы Коминтерна во главе всего мирового пролетариата были годами осуществления великих исторических задач, поставленных Лениным. Эти пятнадцать лет были годами роста и расширения коммунистического движения по всему земному шару, пятнадцатью годами борьбы за Ленин и за создание действительно крепких закаленных в борьбе коммунистических партий, года-

ми победоносного строительства социализма в Советском союзе, ставшем неистовой крепостью мирового пролетариата.

Нет ни одной страны в мире, где рабочие не начали бы борьбы против эксплуататоров и угнетателей под лозунгами Коммунистического Интернационала. За пятнадцать лет, несмотря на отчаянное противодействие международного органа предательства рабочих — II интернационала, в 68 странах выросла международная революционная армия рабочего класса, который не может уничтожить никакой фашистский террор. Фашизм, как сказал вождь международного пролетариата т. Сталин, не только «...признал слабость рабочего класса и результат борьбы социал-демократии рабочему классу, расчищая путь фашизму». Его надо рассматривать так же, как признал слабость буржуазии, как признал слабость старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления».

«Рабочий класс капиталистических стран, доведенный до отчая-

ния 4-летним кризисом и безработицей, становится на путь революции. Это значит, что зреть и будет назревать революционный кризис» (Сталин, доклад XVII съезду ВКП(б)).

События последних дней подтвердили слова вождя: всеобщая стачка во Франции, вооруженное восстание австрийского пролетариата, нашедшие широкий революционный отклик в Испании, Чехо-Словакии, Польше, Англии, США и других странах, показали резкий поворот социал-демократических масс в сторону пролетарской революции.

Революционный кризис неравномерно, но неуклонно растет во всем мире.

«Ленин привел пролетариат к победе Октября на шестой части земного шара, создал Коммунистический Интернационал и возглавил его борьбу в период первого тура войны и революции. В период второго тура революций и войн ленинский Коммунистический Интернационал под руководством Сталина приведет пролетариат всех стран к победе мирового Октября».

КАЛЕНДАРЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОЕВ ПРОЛЕТАРИАТА 1918—1934 гг.

1. Ноябрьская революция в Германии — 1918 г.	11. Рабочее - крестьянское восстание в Болгарии — сентябрь 1923 г.	19. Баррикадные бои в Бухаресте — февраль 1932 г.
2. Революционное выступление австрийских рабочих — 1918 г.	12. Всеобщая стачка и вооруженное столкновение рабочих в Англии — май 1926 г.	20. Революция в Испании — 1932 г.
3. Рисовые бунты в Японии — 1918 г.	13. Китайская революция — 1926—27 гг.	21. Совет в Чили — июнь 1932 г.
4. Советская республика в Мюнхене — 1919 г.	14. Июньское восстание в Вене — 1927 г.	22. Восстание голландских моряков в Индонезии — февраль 1933 г.
5. Баварская советская республика — апрель 1919 г.	15. Кантонская коммуна — декабрь 1927 г.	23. Революционные бои на острове Куба — август 1933 г.
6. Венгерская советская республика — март 1919 г.	16. Бунт в английском военном флоте — сент. 1931 г.	24. Баррикадные бои французского пролетариата (Париж, Страсбург, Рубэ) — 1933 г.
7. Мартовское восстание в Саксонии и Рурской области — 1920 г.	17. Стачки и вооруженный захват предприятий в Польше — 1931—33 гг.	25. Всеобщая стачка и боевые выступления французского пролетариата — февраль 1934 г.
8. Захват фабрик и заводов рабочими в Италии — сентябрь 1920 г.	18. Кровавые бои бельгийских стачечников — 1932 г.	26. Вооруженные восстания австрийских рабочих — февраль 1934 г.
9. Мартовские бои в Средней Германии — 1921 г.		

Слева — тов. Ленин на первом конгрессе Коминтерна (1919 г.)
Справа — президиум конгресса.

КАК МЫ „ЗАПИСЫВАЛИ“ ДИМИТРОВА, ПОПОВА, ТАНЕВА

ЗАМЕТКИ КИНОРАБОТНИКА

«Форд» летит быстро, оставляя за собой полосу снежной пыли. Мы приехали в 12 часов дня. Комендант провожает нас до дверей комнаты т. Димитрова. Входя, еле сдерживая волнение.

В большой светлой комнате сидит Димитров. Он пьет чай и оживленно беседует с товарищем, складируя рядом глубины комнаты, у окна — Танев. Его обступили, обдавая и знакомые. Он о чем-то рассказывает, улыбается и жестами усиливает выкладки.

— Дело вот в чем, вчера вы и ваши товарищи обещали посетить нашу фабрику. Мы вас снимем для звукового журнала кинохроники и будем транслировать вашу речь по радио.

Димитров кивает на нас своими немногими насмешливыми глазами:

— Может быть, завтра? — говорит он. — А начальство мое — доктор, как он?

Мы настаиваем. Димитров оглядывает окружающих и виновато улыбается.

— А надолго вы меня задержите? — Нет, — убеждаем мы, — вы скажете свое слово по-русски, по-французски и все.

— По-французски? — Димитров задумывается и, обернувшись к товарищам, говорит: — Хорошо, скажу по-французски, сам Танев будет комендантом.

Мы обращаемся к Таневу и Попову, который находится в соседней комнате. Танев и Попов также выражают свое согласие. В 2 часа дня мы на фабрике. Вспыхивают прожекторы. Гости, новые советские граждане, садятся за стол. Звук операторов пролетает в камеру. Сопровождаемый громом аплодисментов, Димитров подходит к микрофону и говорит по-русски:

— Я через советское кино горячо, сердечно приветствую трудящихся Советской страны и в первую очередь трудящихся Москвы, стоящих в авангарде всего мира.

Все зарубежные товарищи вместе с нами борются за наше освобождение. Но там, в застенках фашизма, много товарищей по главе с нашим Тельманом. Освобождение их — это вопрос чести мирового пролетариата. Нас освободил Советский союз, приняв нас в свое гражданство. Теперь мы на свободе, в нашей собственной великой стране. Да здравствует СССР — лучшая гарантия для победы пролетариата всего мира, оплот международной пролетарской революции!

Заключительные слова речи т. Димитрова покрываются аплодисментами, возгласами «ура». Димитров повторяет свою речь на французском языке, твердо опершись о стол, чуть выдвинувшись вперед, совсем как на известном фотомонтаже Джона Гарфильда.

На фабрике присутствуют участники и организаторы первого пленума в стратиферу тт. Прокофьев, Годунов, Прилуцкий. Прокофьев протягивает руку Димитрову, он крепко пожимает ее и говорит в микрофон:

— О, с вами мы и на суше и в воздухе сломаем шею врагам! Димитров прощается и уезжает. За столом остаются Танев, Прокофьев, Годунов. Рядом — Попов. Его обступили работники фабрики. Танев рассказывает:

— Фашисты пытались доказать, что я вместе с Ван дер Люббе был 24 февраля прошлого года в рейхстаге, в то время как я находился в экспедиции Москва — Берлин. На этих «свидетельских» показаниях строился весь процесс. И на основании таких «показаний» нам хотели отрубить головы. В кабине работает звукозаписывающий аппарат, фиксирующий эти простые, полные обаяющей правды слова. Затем у микрофона выступил т. Попов.

— Находясь в заключении, мы не видели советских газет. Мы узнавали, вернее, слогалывались о жизни Советской страны из немецких газет. «Правда» попала к нам после приговора. После «оправдания» нас снова заключили в тюрьму. Мы неоднократно запрашивали германское правительство. Мы не получили никакого ответа. И только позавчера в камеру вошли надзиратели и предложили: «Собирай мошанки». Мы собрали вещи. Куда? Позже приехал помощник полицейского министра, заявивший, что нас отправляют в Советский союз. Кензибарт нас сопровождала три полицейских чиновника.

Формально мы — подданные Советской страны совсем недавно: дни, недели; фактически мы — советские подданные уже 15 лет, т. е. с того времени, когда мы вступили в коммунистическую партию. Я не могу выразить словами того восторга, которое мы испытали при прилете в нашу страну. Утром мы были в застенках, вечером — в Москве. Да здравствует красная Москва!

Б. Л.

Т. Димитров, Попов и Танев на фабрике «Союзкинохроники».

ЗА РУБЕЖОМ

ДВА ПИСЬМА ИЗ ГЕРМАНИИ

В «Литературной газете» 16 января 1934 г. появились выдержки из писем немецкого писателя Эриха Геллера, доказывающие, что слухи о переходе последнего на сторону фашизма необоснованы. Выдержки эти интересны уже потому, что писатель заканчивает свой роман, который, как он сам пишет, «будет точным воспроизведением немецкой трагедии».

Заканчиваются выдержки следующей фразой: «Я убежден в гибели Германии».

Мы располагаем другими документами, письмами представителей того класса, на плечи которого легла наибольшая тяжесть фашистского террора. Письмо старого рабочего из Рур направлено в Москву. Это старый друг советской России, рабочий-массовик. Он представляет того класса, которому принадлежат будущее.

Приводим один из документов — письмо рабочего из Рур.

«Дорогие товарищи! После долгого промежутка я могу вам снова писать. Почти год меня не было среди моей семьи. Думаю, что то, что я вам пишу, будет вам понятно. ТАМ, ГДЕ Я БЫЛ, я долго был между жизнью и смертью, температура доходила до 39-40 градусов, сильнейшей лихорадки. Я уже думал, что не встану. Там же я «приврал» свое пятидесятилетие, вы поймете, как я приврал! Вы знаете, как долго я пытался вас посетить, я был тогда безработным, и мне это не удалось. Я и сейчас безработный, и вы знаете, что пока что я не мог бы к вам приехать, как бы этого мне ни хотелось. Если кто-либо из вас захочет нас или меня посетить, будьте осторожны! Оставайтесь там все здоровыми и бодрыми, я же и мы все будем стараться сделать то же, что вы уже сделали».

Остаюсь ваш Х.». —

В беседе тов. Позерна с ленинградскими колхозными писателями «ПОКАЗАТЬ БОРЬБУ НОВОГО СО СТАРЫМ» (см. предыдущий номер «Л. Г.», стр. 1), принятой по телефону из Ленинграда, во второй колонке вкралась следующая неточность. В 21-й строке надо читать: «т. ПОЗЕРН соглашается с

замечаниями Горького» и т. д., в 25-й строке вместо «клавейшие» — «клавейшие», в 29-й строке вместо «Ленька» — «Шленка» и в 32-й строке «Ленька» надо «слоняться». Точный полный текст беседы тов. Позерна будет напечатан в след. номере «Л. Г.».

ТРЕТИЙ ПЛЕНУМ ОРГКОМИТЕТА ССП СССР ОТКРЫВАЕТСЯ 6 МАРТА, В 5 ЧАС. ВЕЧЕРА, В ПОМЕЩЕНИИ ОРГКОМИТЕТА (УЛ. ВОРОВСКОГО, 32). ВХОД ДЛЯ ГОСТЕЙ ПО ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫМ БИЛЕТАМ.

жизни завязь их творчество массам, которые страдают от тех же причин, но совсем в иной форме. В противном, такие писатели составляют редкое исключение. Огромное большинство писателей обслуживает апологические интересы капиталистов.

Чисто идеологическая критика симптомов упадка капитализма. Выражением упадка термины «декадентство». Из высказанного ясно, что фашистская эстетика являлась вокруг минного раскрытия причин декадентства, вокруг минного разрешения его проблем. Эта критика декадентства является, конечно, у Розенберга малооригиналь-

визма — возлагается не на писателей, а на культуру, а на расу, а на нацию, а на мир, а на что угодно, лишь бы не на человека. И с чем не сравнимая «самобытная особенность» крови». Во втором пункте Розенберг заимствует у искусствоведческих предшественников экспрессионизма (Ригль, и в особенности Вильгельм Воррингер) их теорию о «эпизонической сущности» творчества, а именно: «...считает ее как агитационным потребностям фашизма, к потребности в средствах воздействия, основанных на массовом гипнозе и массовом внушении, на иррациональном сопребуждении всех других инстинктов отсталой мелкобуржуазной массы». Это смешок о преодолении декадентства.

Шарж Лиса

жизни завязь их творчество массам, которые страдают от тех же причин, но совсем в иной форме. В противном, такие писатели составляют редкое исключение. Огромное большинство писателей обслуживает апологические интересы капиталистов.

Чисто идеологическая критика симптомов упадка капитализма. Выражением упадка термины «декадентство». Из высказанного ясно, что фашистская эстетика являлась вокруг минного раскрытия причин декадентства, вокруг минного разрешения его проблем. Эта критика декадентства является, конечно, у Розенберга малооригиналь-

визма — возлагается не на писателей, а на культуру, а на расу, а на нацию, а на мир, а на что угодно, лишь бы не на человека. И с чем не сравнимая «самобытная особенность» крови». Во втором пункте Розенберг заимствует у искусствоведческих предшественников экспрессионизма (Ригль, и в особенности Вильгельм Воррингер) их теорию о «эпизонической сущности» творчества, а именно: «...считает ее как агитационным потребностям фашизма, к потребности в средствах воздействия, основанных на массовом гипнозе и массовом внушении, на иррациональном сопребуждении всех других инстинктов отсталой мелкобуржуазной массы». Это смешок о преодолении декадентства.

Шарж Лиса

ной по сравнению с его предшественниками, особенно по сравнению с Ницше, который дал такого

ценки современной литературе искусства, был «классическим» образом эстетиков и критиков империалистического периода: образное рождение Розенберга сводится лишь к перемещению акцентов. Если философы довоенного империализма рассуждали о «художественности» вообще; если теоретики послевоенного империализма рассуждали о «художественности» в частности; то Розенберг рассуждал о «художественности» в отношении к современности. Он контролировал факт отчуждения искусства в изолированности искусства в современной жизни современности, подчеркивая при этом «уточенность», «совершенство», «идеальность» искусства, от господствующей в данный момент моды; если школа Деканова делала здесь «вечный миф «генія» и «массы», — то Розенберг выдвигал миф «крово». Декановство — это отравление к смене северногерманской культуры с чудными элементами, прежними и новыми; декановство — это отравление к смене культуры предвоенного империализма, заключавшаяся в освоении влияния от этой «гибридной

Как это делается, мы видели на примере фашистской Германии: сателит убивают или бросают в тюрьмы, их книги сжигают. И Геббельс заявляет с немецкой примоплюменностью, что это не является «эрозией» — «третьей империи» свящается с народом уже восставшим; что «третья империя» — это для «человека» «новое отношение», благодаря которому неадекватное искусство, «чуждая романтика» уже стала действительностью (как и в «третьей империи» — возникновение искусства — «новое отношение к вещам», это как раз и становится тайну мифа). Одним словом, Розенберг мифически про-

[illegible]

Это противоречие между гло-
гласным возмещением нового куль-
турного «расцвета» и усиленным
поддерживанием загнивающего ка-
питализма проявляется, конечно,
открыто в творческих суждениях
Розенберга. Он молотит «железо»
и молнии против пустого инди-
видуализма буржуазно-либеральной
литературы, обрушивается на «по-
длого еврея» Гейне, на Гергарта Га-
уптмана, который «только гложет
гнилые корни XIX в.», на Томаса
Манна. Сущностно, однако, же-
лает, отличающуюся «искусство»
«строкового» «северогерманского»
человека, Розенберг находит в «чув-
стве одиночества». Он говорит:
«Даустовский человек (тоже жалкий
напрямик у Шпенгера (Г. Л.) не
только проинакнет в бесконечные
дальнейшие времена, но и явится
еще раз, это действительно недо-
людики. И это потому, что он пере-
живая лишь одну сторону свой-
ственного бессмертия, что он не то-
лько отделился от своего окруже-
ния как лицо, но и представляет
собой личность...». И Розенберг про-
славляет («е некоторым мистициз-
мом») «чуждость» личности Рихар-
да Вагнера как живые воплоще-
ния этого «чувства одиночества».
Не если чуть-чуть (не слишком, а
именно лишь чуть-чуть) упростить
эти высопарные фразы, то за ни-
ми тотчас же открывшиеся «вечные
ценности» Альфреда Керра, крити-
ки, философа, поэта, писателя, По-
дматывая литературные мотивы Ге-
орга Кайзера или Роберта Музиля,
— словом, эстетические принципы
либерально-еврейской «каспальной
литературы», декадентского суб-
людного искусства».

Г. ЛУКАЧ.
Перевел И. РУМЕР

Иллюстрация худ. Б. ЗЕНКЕВИЧА к книге АЛ. ИСБАХА «Ра
(выходит в ГИХЛ).

ных главное, основное. Он не ищет, не интересуется законами театра, он не полагается на опыт, не хочет учиться у дирижеров, — что же существо скажет? Это — драма, где ставка должна быть поставлена на внешнюю живописность, не на подробное раскрытие внутреннего, не на органическое развитие персонажей, присущими данному искусству, — основной идеи вещи. При этом нужно заботиться о максимальной простоте слова.

— Я глаголю обещать, — говорит В. И., вызывая громкий смех на конференции, — что, несмотря на то, что «Карменита и солдаты ужасно раз пришла в моем театре, — я не буду больше делать зрительным и полное совершенно непонятным. Это — результат стремления

В. И. усилению и повторно по-
вторивает одну мысль: все, что имеет
отношение к сценическому искус-
ству, должно быть **театрально**. Это
касается также и **музыки** (она не
всегда бывает театральной, например ге-
ральная музыка «Руслана и Людмилы»,
произведения Римского-Корсакова и т. д.); это касается практи-
чески **оперных постановщиков**; это
касается **более** мере касается **испол-**
нения оперных певцов. Тов. Нео-
мович-Данченко очень много высказы-
вается беззаботность этих певцов по
части актерского мастерства. Сочетание
великолепного голоса с

литургическим исполнением, мыслями, давшая наметку на проблем мысли, — не есть творчество, — уны, это прочное бытие быт в нашей оперной сцене!

И самое страшное то, что в утешении этого быта принимающие участие самые разнообразные элиты, начиная от дурбистства композитора и кончая... зрителем. Но самым большим злом является, конечно, институт преподавателей. Эта среда характерна для Б. И. Гиршманского, как среда «искусств живой природы», как среда, которая технику пленяет рассматривая, как самонец, и на этих принципах воспитывает нашу молодежь.

Этой фабрике штампов Немкеевич-Даченко противопоставляет

свои принципы, практически осуществляемые им в том театре, который он возглавляет: оперный певец должен не только хорошо петь и хорошо играть. Утверждение, что последнее возможно лишь за счет снижения качества вокального исполнения, В. И. считает не выделяющими никакой критики. Это — логика людей, любящих итти по линии наименьшего сопротивления.

Я. Э—МАН

О критике романа „Беруны“

об «богатотельных»; ведь это — не только такти различия. А затем — это при-
были не получились, а также, как
вспомогательные, не тут, где татуировка
у меня, о которой дошла к нам иди-
ома «слабая память» (стр. 41 и 42).
Это действительно было так, по-
тому что вопреки ни на чем не осно-
ванному утверждению Алматю-
средневековье знало широкое по-
требление китовины; во время по-
стоя ее употребляли в пищу люди
разных классов, а также, как
экспедиции, была предназначена для
всех сословий. Маргариты Шотланд-
ской в Норвегию, была снабже-
на соевыми китовым мясом в зна-
тельных размерах. И у меня
здесь «сладоразумие» ни, наобо-
рот, мой критик безнадёжно по-
вер, в этом без труда теперь разо-
берётся читатель.

Но окончательно утрусил критиками мои уже ни больше, ни меньше как «фантастическим и мифическим» Оказывается, я и думать «какое то Скифское море» покрытое льдами и туманами и в холодящее, якобы, на Севере. Здесь недоумения А. Аполотова того велики, что он начнёт тариться в догадках, впечатление которых поистине комично: «Тут очевидно, оказалась неправильна применённый славянский термин «Русское море», относившийся древности...» и т. д. Ничего тут не скажешь, а все применено совершенно правильно.

обширные, «деловая» карта Северо-восточного союза; другая — в двух частях (1705 г.), украшенная триумфальными гирляндами и пышными титулами составителя — академиком Императорской Академии наук, «государственной канцелярии и обитавших за ее пределами варшавян». И где на одной (карта Российской империи) начертано «Северное полярное море», там на другой (деловая карта) совершенно четко выгравировано «Sythicum Mare».

Передоставившие когда-нибудь монументальные и обстоятельные Историческое описание российских империй, а также, возможно, быть упомянутым в первой главе «О древней российской коммерции на Сикфиском море» реками Печору и Двиною. Мая

Сыthicum, Oceanus Sythicus, — эти термины постоянно опериру-
агиче и средневековая геогра-
до не называли, а говорили
по берегам Северного океана, си-
сфами гиперборейскими. Онова-
на всем этом, автор романа, гово-
до стр. 41 о далеких временах («Б-
до время...»), позволял себе упо-
ребить полубыстритные термины
потому что термин этот показал-
ему в данных условиях весьма ра-
зительными и потому что писате-
лю было интересно-новому назва-
до заново опущит, что сказав-
раскожные школьные названия у
почти перестало ощущаться. За-
употребил он из здесь своим «ви-
вом поэта»? И где тут «фантаст-
ческие измышления» в романе и
же в безапелляционных утверж-
дений его верховного судьи?

Вот как будто и все «ялпуссу-
указанные мне Аллатовым. Впече-
чем, оставшие еще «естратыни-
какие-то «кораллы», вместо кор-
лей. Что касается последних, то
уя у себя в книге просто не на-
шлись. А относительно «естраты-
мечу, что у меня решительно во-
суде, судьи и «естратыни» —
притики. И если в какой-либо
критике в одном только единст-
ном случае обнаружил «естраты-
ков», то удивительно, отчего
став на этот путь, не открыл у
ня и собаку через эту. Второе
тание мое книги давно отпеча-
но и в ближайшие дни выходя-
свет. Я надеюсь, что печатати-
ный будет меньше, нежели в изд-
нии, которым пользовался Аппа-
т.

Я не за поблажки писателю.

за неряшливое отношение писателя к своей работе и не за распространительное толкование «прав и обязанностей». На японцу нужно прямо указывать, а за писательские погрешности карать. К этому и призывает критика, вооруженная не общими и ошибочными представлениями, а как в данном случае, а доскональным знанием вопроса.

ЗИН. ДАВИДОВ

—
„ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ
№ 1

учие, технически отточенные слова о великих делах, творящихся сейчас в советской деревне.

Антон Зорский открывает прозу журнала рассказом «Братья».

«Да ты что же, братуха, в сум ударила. Держи чуб по ветру, жист по волне. Не бойся, если жист. Спиначаю это страшно, потом прыгаю».

«Братуха, Антоха. И ты ты, чепи тебя по макушке, по-курчачи сидишь? Зови дружка, сейчас дарить будем».

Так говорит у Зорского «единственный брат. Задуманный, чуткий», который «хотел, чтобы свадьба пылала во-сю. Мой хороший, мой внимательный брат, разве мог он допустить, чтобы не женить меня по-настоящему...» «Сельба». Хорошая деревенская свадьба.

В этом ярком тоне говорит Зорский о пьяном разгуде, об одном из самых отвратительных проявлений деревенского идиотизма — курчужной, нищей, темной одиночной деревни. На десяти с половиной страницах рассказывает Зорский о свадьбе вчерашнего рабочего, о диком мужичком разгуде, о драках, ссорах, разделах, воровстве, о непроглядной тьме и невежестве, о дикости и дикости, которые уходят уже в прошлое, которые уже начинают забывать зажиточные колхозники большевистских колхозов.

Вчерашний рабочий в рассказе Зорского ворует у брата денег, кража обнаруживается, происходит дикая, безобразная драка. Пострадавший идет к председателю совета, приятелю с детства, и от него ждет защиты и наказания брата.

«Посвети стогом посмотрел на меня, — вспоминает брат, — рана моя здорово испугала его — и, поморщась, махнул рукой».

— А еще сознательный. На производстве был. Селькор».

Но автор не осуждает пролета-

ловатое ее кротокощачее тело, и т. д., и т. п.).

Рассказом «Братья» Антон Зорский не только не отразил «собой» большой исторической важности, но продемонстрировал отсталость литературного, несущего эти ити в до с историческими событиями. Да и весь журнал особенно в литературной своей части поражает своей отсталостью от времени.

Шестьдесят пять процентов коллективизации, год работы подотделов, зажиточные колхозники большинства колхозов.

Вспомогательное трудовое крестьянство нашей советское крестьянство, окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма». «Теперь уже все признают, что наши успехи велики и необычайны. Страна переведена в сравнительно короткий срок на рельсы индустриализации и коллективизации. С успехом осуществлена программа пятилетия, что порождает чувство гордости и укрепляет веру в свои силы у наших работников» — таковы итоги, которые подвел т. Сталин в своем отчетном докладе на XVII съезде партии.

Очевидно, у «Великого перелома» не рождают чувства гордости «великие и необычайные успехи советской страны»? Очевидно, не вызывает восторга «победа» над которыми говорил тов. Сталин на XVII историческом съезде партии.

Ибо «Великий перелом» свидетельствует об отсталости нашей литературы, отсталости, которой на самом деле нет. Вытяжка на свои страницы все наиболее отсталое не поспевающее за ходом жизни, «Великий перелом» не сумел подвести итоги (обобщения в переловой) победой нашей деревни.

Как может укрепить веру в свои силы у наших работников? «Шагай, Мордовия! А Дорогобиченко — путевой набросок знатного путешественника-литератора, где над всем преобладает «я» писателя.

также дана на первых же порах. И надо сказать, что автор больше чувствует, более яркие и значительные слова находит для выражения «мужичьей силы», для выражения неслучайности, тьмы, дикости сибирского края, для выражения гордости коллективизированной деревни. Там где пробиваются ростки социализма, автор тускнеет языком, а главный герой впадает в повествование, показ, наглядность вещей теряются. Литературная манера Пермитина оставляет желать многого. Язык романа, непритязательный, разбросанный, как будто нарочно стремится избежать «мужичьей силы». Как град, не ба, пал позор на амосовский дом на единственную дочку, вековую ярибую, чужого мужика, от живой жены снаком затащили. Обошли и пьяным виде, а он очутился, вдолгоня за женой кинулся и поповского же ребота в реке утопия.

Вторая «торчица», «размахнутые ворота», «не смейтесь, солдаты, вы же не знаете, что такое гоношения» очень чужды и романистам. Почему не «Великому роду», призванному нести культуру в деревню — «растить молодых авторов-колхозников и рабочих-колхозов» (совхозы, конечно, — это досадная небрежность редакции)?

Проставив основной литературный материал, читатель не найдет в нем хотя бы упоминания о подитоделах.

Один рассказ А. Дроздова «Мой сын» говорит о подитоделах, но опять-таки о первых шагах его в совхозе Горьковского края. Материал взят интересный, показана классовая борьба, разложение директора совхоза, опутывание совхоза спекулянтами, ворами, лодырями. Но литературным отношением рассказ слаб; это нечто среднее между рассказом, очерком и публицистикой. Язык робок и малообразен. Вот и все, что дает «Великий род» в прозе о подитоделах. Другой

жизни незначительными рассказами и жителями зарубежных крестьян заканчивается литературный материал журнала.

Поэзия представлена поэмой безымянного «Ночь начальная и кончаящая» и стихами Б. Шименсона «Палачи».

Первый номер «Великого перелома» можно отнести к рецидиву даяния крестьянских журналов, существовавших несколько лет назад, где тематика была скудна, а литературная слабость вполне соответствовала скудости содержания.

«Великий перелом» — орган одного крупного земледельца в мире социализма социалистического. И эти два права отставать от жизни имеет ли он право посылать своих страницих мужичкую к своим страницам нездоровую, о которой писал М. Горький в своем письме Серафимуичу «...что культуры позанятческая талантливо-песельно-тепельная работа партии Ленин-Сталина направлена именно к тому чтобы вытравить из сознания мужиков то злое хламичуею вами «сладкобы сидеть на основе своей», что много, как инстинкт, как сознание инстинкт мелкого собственничества, выражаемый, как мы знаем, в формах зоологического озверения».

Всякое литературное произведение в нашей стране, стране социализма, тем более журнал, орган зооидический, должно помогать людям социализму выполняя их великое историческое дело. И это новая культурно-политическая борьба, пафоса культурно-политической борьбы, душных героев нашей великой эпохи читатель жаждет от литературы.

Свое сегодня и завтра хочет видеть советский читатель в литературе, а в «Великом переломах» читатель увидит только тускло оформленное вчера без всякой истории и культуры.

От «Великого перелома» читатель, ясное дело, ничего не

ВОРОТА ВОСТОКА

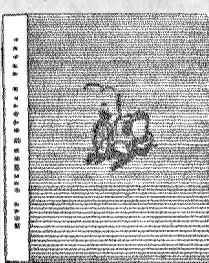
Бесплоды скал отдал ленивым
Алмазный клад в жемчужной пене
Тебя лаская и тобою целуя,
Простор лазурь у стен твоих,
Ты не был у истории в опале,
И не знала непа золотые дни,
И ночи напролет на площадях
Иранские, хазарские огни.
Ты был восточным, открытым
широко
шумлив.
Наука и купцы спешили в гавань
Восток,
Ты древен, храбр. Во мгле тысячелетий
Стояла незлыбимо, полки врагов
губи.
Суши в песках солоноватый ветер
Пасты сердца, жаждавшие тебя;
Век рожденья и века старели;
Их киноарью отмечала кровь.

Пётр Орешин

«ВТОРАЯ ТРАВА»

В книге собраны последние стихи П. Орешина. В прошлом — это был известный кулацкий мотивист, составитель «Кулацкого вальса», «Кулацкого вальса», «Кулацкого вальса». В 1929 г. в книге «Откровенная лира», изданной «Федерацией». «Что такое кулачество?» — спрашивал тогда Орешин. Во «Второй траве» П. Орешин заявляет о том, что он перешел на новые позиции. 32 страницы в книге занимают стихотворения «Моя библиотечка», в котором поэт сообщает о своем разрыве с прежними друзьями и о том, что иные песни и поэмы давно забыты им самим. Мне стали ближе Утманов, Берхари и Эмиль Золя.

Но в чем же и как же скрывалось приближение Орешина к Утманову, Берхари и Эмилю Золю? Большая часть книги (37 страниц) состоит из незатейливых описаний сельских пейзажей. Только меньшинство стихотворений из этого цикла упоминает о новой колхозной деревне. Мотивы классовой борьбы и преодоления пережитков капитализма в сознании крестьянства отсутствуют в книге. Орешин выражает полное удовлетворение тем, что в деревню пришла трактор и по полям ходят «бригады». О бригадах автор напоминает с утомительной настойчивостью.

«Привыкли все кусты к машинкам, к трактору, бригадам, небесам... «В покосе соревнуются бригады»... «Дружный труд бригад в покосе»... «Ушла в поля с бригадой косарей» и т. д. В стихах Орешина образ колхоза оказывается сугубо «пейзажной» картинкой.

Большинство же стихов легко обходится без колхозов, тракторов и бригад. Орешин описывает впечатления природы так, как это делали поэтические эпитеты еще в 80-х или 90-х годах. Здесь полностью господствует литературный штамп. Особенно часто прибегает Орешин к однообразной декламации о своей любви к природе: «Люблю я край мой», «Мне нравится степная просинь», «Мне кажется чудом земля», «Я рад, что березы меня утешают», «Нет края на земле чудесней», «Люблю я зорь многообразие», «Лето — большое лето», «Мне в наши степи золотые, как в наших долах, влюблены». Можно без конца множить подобные цитаты. Лишь изредка пытаясь. Орешин внести в свои любовные декларации живой оттенок современности. Но тогда-то эпитетизм и становится пошлостью.

Ах каждая девочка хороша, как новая советская постройка. Читатель, знающий прежние стихи Орешина, без труда узнает во «Второй траве» скучную переделку знаменитой одежды. С. А.

МТЛ, 1933, стр. 133, п. 2 р. 25 к. пер. 75 х.

Виталий Бианки

«ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА»

В книге Бианки использованы все основные признаки газет: простота материала, его календарность, жанровое многообразие (фельетон, рассказ, хроника, телеграмма, переписка с читателем), заголовки. Использование литературных жанров, лежащих вне «беллетристики», очень принято в детской литературе. Книга Бианки — одна из самых удачных в этом роде.

Передача, телеграмма и хроника, скрепленные с юнговской тематикой и хорошим языком детской книги, сделали необычно беллетристичными.

Принципы газетного монтажа Бианки использует для усиления сюжетной занимательности. В отделе «Лесные происшествия» сообщается о мнимом таинственном ночном разбойнике. «Кто же этот таинственный ночной разбойник? Это пока остается вопросом. Затем следует несколько заметок на другие темы, и только в конце отдела происшествий тайна раскрывается: ночной разбойник — это рысь.

Особенности газетного монтажа Бианки: хроника и переписка с читателем, лежащие вне «беллетристики», очень принято в детской литературе. Книга Бианки — одна из самых удачных в этом роде.

Ценность книги не только в ее занимательности. Она дает юному читателю представление о жизни и деятельности лесных животных, о практической борьбе с вредителями и о практической борьбе с вредителями и о практической борьбе с вредителями.

Хороши рисунки П. Соколов, Л. Бруна, А. Таран, В. Чарушина и В. Курдова. Т. Г.

ОГИЗ, Ленинград, 1934, стр. 198, тир. 30025, п. 1 р. 70 х, пер. 80 х.

Арабы назвали эту маленькую страну, три четверти которой занимают горы Кавказа, Дагестаном — «Страной гор». Позже известный арабский географ Аль-Азизи перефразировал этот буквальный перевод слова Дагестан на Джебаль-Альсуни, что значит «Гора языков». В нем насчитывается 81 языков, причем с коренным относятся 32, говоримые на различных языках.

Арабы, покорив Дагестан, принесли с собою ислам и еще — новый, чуждый народам Дагестана арабский язык.

Русский паризм, завоевавший в 60-х годах Дагестан, начал насаждать русский. Дореволюционный Дагестан не имел ни одной школы на родном языке дагестанских народов, и грамотность его составляла 5 проц. среди мужчин и 1 проц. среди женщин.

И все же несмотря на это Дагестан из среды трудящихся горцев выдвинул ряд замечательных, своеобразных, необыкновенно одаренных певцов-поэтов.

Следует отметить, что песни большинства народов Дагестана оставались до самого Октября главным видом поэтического творчества, а у некоторых — единственным. Да и сегодня еще песни занимают первенствующее положение.

Мы не будем искать корни, устанавливая, кем принята эта характеристика особенностей почти для всех без исключения дагестанских народностей, скажем только, что такой блестящий организатор, как Шамил, учитывая значение песни в сложных горских условиях, использовал ее с целью проповедания и утверждения своего имамства. Шамил издал специальный закон, запрещающий другие песни, кроме религиозных, как песни «богостроителей». Но все же несмотря на этот грозный запрет рождалась и жила подлинно народные песни. Почти как правило авторы этих песен оставались анонимными, в боязни понести за них возмездие. Все песни периода освобождения.

БОГАТЫРЬ МАГОМЕТОВ МОЕ ПЕРО

Перев. БОР. ТУРГАНОВ.

Перо мое, со мной идем, работа — велика. Тебя ведет прямым путем рука большенника. Вперед, вперед, перо мое — еще не кончен путь. Пускай стальное острие пера коснется в грудь. Имя, трудящийся, перо, — спешу, перо, спешу. Всем беднякам далеких стран приветы валяю. Всем беднякам, мой друг стальной, ты двери отвори: Пусть угнетенный шар земной увидит свет зари!

Перев. БОР. ТУРГАНОВ.

тальной войны имеют одну тематику: призыв к борьбе. После падения «шариатской» монархии, общественной арене выдвигаются «социальные гласности» — левый поэт Юсуф-Кали Мургулиев, кумынский — Магомед-Эффенди Османов, лезгинский — Магомед Эмин и ряд других представителей националистически-буржуазной духовной интеллигенции из класса имуши. И в это же время Кавказ — кумынский песен и Батыр Даргинский — дагестанский — поэты из среды тех, у кого: — Нет жени, чтоб над телом моим плакать, Нет и сады у меня, где бы труп омыли..

Каждый из этих поэтов по-своему видит мир, но голоса первых сливаются в общий хор: ислам. А голоса вторых — это борьба с духовенством, с морализмом, борьба против «жизни и бесов».

Казах — это тип одного из первых певцов-профессионалов, сделавших песню способом своего существования. Подлинный художник, он претерпел за свое любимое дело ряд унижений и издевательств. За вызов, брошенный самому шамхалу, он пошел в Сибирь. И там, один среди чужих, он не оставил своего любимого дела, посылая на родную родину письма-песни.

Таков же и Батыр — певец конца прошлого столетия, певец-бесбожник. — О, сельчане! Караул! Ведь не больше грешен я, Почему ж я не люблю Материю всех невест?

Таков же и Махмуд, самый популярный певец Аварии, которого исследователи называют «аварским Пушкиным». Он создал школу, отождествив фальшивый напыщенный стиль и приподнятость. Его песни замечательны своей задушевностью и простотой.

Особое место среди дагестанских поэтов занимает лезгинский певец Сулейман Стальский. Бедняк из селения Ашага-Сталь, он до сих пор еще занимается сельским хозяйством, несмотря на свои прекрасные годы. Не делая из песни для себя ремесла, он в то же время является сейчас одним из самых известных старых поэтов не только Кавказа, но и всего Дагестана. Его песни о муках безземельной лезгинской бедноты лучше в современной поэзии народов Дагестана. Не только он, но и целые аулы, костеневшие в темноте и невежестве, не знали о нагнетанности событий, познавших весь мир. Но протест, мучающий а иногда и стихийный бунтарский порыв аулчан в его песнях. Любимым презрением он клеймил мулу, этих духовных растителей лезгинской бедноты.

— Простакон и невежд завлекать — Ваш любимый обычай, мула. Вы стремитесь, народ заковать В неподвижность, в покорность, мула!.

Раньше других Сулейман находил тот путь, по которому сейчас идет лезгинская беднота. Он понял своим классовым чутьем, что принесут Дагестану турки, Бичерахов, Алиханов. И еще тогда, в грозные годы гражданской войны, он дерзко нег-

Известный лезгинский поэт Сулейман Стальский.

— Что за кошмар! Кому не лень Царит над горами Кавказа! Приходит Врангелю через дель. Другой и третий... до отказа!.

Миллион правителей в году! И каждый сердце рвет на части.. И стало нам немоготу, Когда Деникин стал у власти... И курчии от петуха Не отличил в густом тумане.. И турки (долго ль до грека?) Орудуют на Дагестане.. И каждый, плетено грозья, Держал нас в страхе и опале.. Но с красным знаменем дружили. Пришли.. и висящие паши, И улетучили туман, И сердце вылетело сразу.. Здорова, Стальский Сулейман! Привет свободному Кавказу!.

Поэт знает, кому должна принадлежать его поэзия. — Уж лучше выпить яд, чем слышать эти весты! Сады погублены жестоком суховетом.. Но зная: товарищ у Ленина не счесть! Сады весной в шесту заросеют.. Эй, Сулейман, зови, кричи: Не счастье! Тревога! Но зная Ленина подымут руки многих..

Сейчас Стальский — один из активнейших организаторов колхоза. Неправедно обойти молчанием таких певцов Дагестана, как Абдулла Магомедов, И. Османов, аварский певец Гамзат Падаса — тонкий сатирик, который вымыслил архаичные завуалированные арабского шрифта. Его сатира «Похороны старого а-

фагита» является самым популярным аварским произведением (в силу чрезвычайной сложности игры букв, слов и ассоциаций, она не поддается переводу). Гамзат один из первых радостно приветствовал новый, рожденный Октябрьской революцией, подлинно массовый лезгинский афганит.

Многочисленные и многоязычные Дагестан только в 1928 году, позднее всех своих соседей, перешел на новый алфавит. Сопротивление, какое оказывала буржуазно-националистическая интеллигенция и духовенство «этой великой революции на Востоке» (Ленин), по своей ярости было близко к контрреволюции. Сатиры Падасы сыграли свою революционную роль.

Культурный расцвет Дагестана еще только начинается, но он уже имеет сотни новых певцов и поэтов. Национальная по форме и социалистическая по содержанию культура в условиях диктатуры пролетариата получила невиданный расцвет в этой маленькой своеобразной республике.

Объявленный в 1932 году партией и правительством культурный поход является крайней страной в истории Дагестана после гражданской войны. Только на первом своем этапе он вовлек в свою работу половину всего аульского населения. Классовый враг в бессильной ненависти шел на подлоги, угрозы и на прямые террористические акты. И выстрелом прогресса в аулах Дагестана. И женщины-горняки лишили жизни за одно только желание стать грамотными. Враг этим пытался сорвать культурное строительство. Но победа одержана. Рапортом Дагестана XVII партизанской войны «Дагестан в основном страна сплошной грамотности».

Из 400 тысяч человек, ликвидировавших свою неграмотность, на трибуны всеобщего съезда СССР выйдут новые певцы советского Дагестана, среди которых немало и женщин-горняков.

Их имена: Фатимат Расулова из Чарда, Айшат Сулейманова из Черкота, Халилова из Мехельта, Баку Магомедова и Хасарият Асудадеева из Гимлята — знает весь Дагестан.

Таковы новые песни и новые певцы «Страны гор».

РОМАН ФАТУЕВ.

★ Лагорткомитет и бригада ССП подготовляют большой (20 печ. листов) альманах на русском языке, куда войдут лучшие произведения дагестанских писателей. Альманах будет издан ДагИЗ.

★ В издательстве «Северный Кавказ» вышла книга критических статей Лесяева о дагестанских литераторах.

★ Бригада ССП, созданная в ДагИЗ, заключила договор с ДагИЗ на книжку статей и очерков «Дневник бригады» о дагестанской литературе.

Завьялов. Приходится повторять азбучные истины. Мама. Хорошо. Допустим. А если кто-нибудь разлюбил? Завьялов. Уходит. Мама. А если другой продолжал бы любить, то все равно уходит? Завьялов. Как хочешь: хочешь — уходит, не хочешь — не уходит? Мама. Так просто и уходит? Завьялов. Просто и уходит. Мама. А если другому от этого больно? Завьялов. Что же делать. Но я думаю, что тогда люди не будут этому придавать такого значения. Теперь это связано с целым рядом тяжелых осложнений: те же дети, квартира, стандартные справки, заборные книжки, жилищная, талоны, всякая чепуха.. А тогда это будет легко и просто. Человек какает — чмокает пару белых и говорит: прошай, дорогая, мне с тобой скучно, я уезжаю на острова Тихого океана. Между прочим, где мой чмокающий? Мама. Мама, где его чмокающий? Завьялов. Жен и мужей не буди.

Лаутская. То есть, позволите, а если семья? Что ж, вся семья, так и будет поменьшится в одной комнате с... окружающей аппаратурой? И жена. И дети. И.. теща? Это же ужасно. Завьялов. Семья не будет. Лаутская. Не будет семья? Вы меня удивляете и разочаровываете. А что же будет? Как же тогда люди будут, пардон размножаться? Завьялов. Можно размножаться без семьи.

Лаутская. Не любовь? Завьялов. Семья — могила любви. Нечто обязательное, навязанное, уныло-постоянное. И это такое любовь? Свободное чувство, не поддающееся никаким ограничениям, не впадающее ни в какие застывшие формы. Ограничьте любовь привычкой, попробуйте ограничить! — и она тухнет.

Лаутская. Что он говорит!.. Мама. У меня болит голова. Лаутская. Но как же в таком случае — муж и жена? Завьялов. Жен и мужей не буди.

Лаутская. Но что же будет? Завьялов. Будут просто мужчины и женщины, которые чувствуют друг к другу влечение. Свободный союз.

Лаутская. И каждый будет жить отшельно в своей комнате? Завьялов. Да. Лаутская. Муж в «Метрополе», а жена в «Гранд отеле»? Завьялов. Если хотите. Лаутская. Но дети! Они, надеюсь, не отменяются. Завьялов. Дети не отменяются. Лаутская. Слава богу. Хотя кто-нибудь не отменяется. Но ведь дети связывают? Завьялов. Никуда. Детей будет воспитывать общество.

Лаутская. Вы меня удивляете! Завьялов. Таким образом, люди, ничем не связанные, будут абсолютно свободны в своем чувстве. И любовь будет абсолютно чиста от всяких посторонних примесей.

Лаутская. Посторонняя примесь! Дети — посторонняя примесь! Но чувства, чувства! Скажем, ревность? Завьялов. Ревности не будет. Лаутская. Доктор, вы слышите, что он говорит: не будет ревности! Доктор. Здравая желан. Где не будет ревности? Лаутская. При коммунизме. Доктор. При коммунизме! А что ж.. Весьма возможно.

Мама. Что это у вас такое? Доктор. В трамвае оторвали. Весьма возможно, что при коммунизме ревности не будет. Что это у вас, философский диспут?

Завьялов. При коммунизме. Доктор. При коммунизме! А что ж.. Весьма возможно.

Мама. Что это у вас такое? Доктор. В трамвае оторвали. Весьма возможно, что при коммунизме ревности не будет. Что это у вас, философский диспут?

— Приходится повторять азбучные истины!

В. КАТАЕВ ЭПИЗОД ИЗ НОВОЙ ПЬЕСЫ

Доктор. Так я вас не поздравляю с таким Тихим океаном. Куда вы плывете? — непременно в подводную лодку поплавать. Так скоро ни одной уважающей себя рыбы не останется. Вылезет из воды что-нибудь этакое сверх, знаете ли, дремлющее, утилитарное шестнадцатидюймовое, дальновидное, знаете ли, плавники, как бабочки-т-т! Вот нам и Тихий океан. Пустыня, тихий. Грив мерси. Нет, Иван Васильевич, на данном отрезке ни о какой тишине, ни о каких волшебных островах не может быть и речи. Возьмите глобус, закройте глаза и, знаете ли, ткните наугад. Куда ни ткнете — везде бурья. В любой точке. Мир кипит-с. Бурья.. бурья!

Завьялов. У вас удивительная способность: констатировать истину с таким энтузиазмом, как будто бы вы открываете человечеству небывалые Америки, необъятные горизонты. Всюду бурья! Подумайте, новость. Разумеется, всюду бурья. Но для чего бурья, вот вопрос?

Доктор. То есть, как.. для чего бурья? Завьялов. А так, очень просто: для чего бурья?

Доктор. Для того, чтобы люди, в конце концов, в результате бурь-бурь, стали здоровыми, сытыми, свободными, счастливыми.

Завьялов. Правильно. Короче говоря, идет борьба за нового человека, за человека будущего. А что такое человек будущего? Человек будущего — это высокоразвитый личностно с большой буквы, глубокий интеллигентный индивидуальность, освобожденная от всех условностей, свободная, счастливая, вечно юная..

Доктор. Ну вот вы уже начали читать свою лекцию.. «свободная, вечно юная».. все это прекрасно, я с этим не спорю, но без бурь в настоящем, мы не добьемся этого в будущем.

Завьялов. Почему? Для меня лично, то я, например, уже ощущаю это будущее. Для меня лично оно уже — настоящее. Сегодня, сейчас, здесь.. Бурья! Разумеется, бурья. И лично я борюсь. Борюсь за свободу и чистоту человеческих отношений, за свободу чувств, за свободу передвижения..

Доктор. Позвольте.. Но если все начнут так рассуждать и действовать, как вы.. Тогда что же получится? В один прекрасный день все советские служащие схватят чмоданы и бросятся на острова Тихого океана. А кто же тогда будет служить, кто будет строить заводы, лечить, учить, кормить, пахать, сеять?

Завьялов. Зачем же все? Я не скажу — все. У каждой индивидуальности своя форма бурь. Нельзя же всех обмывать под одну гребенку. Каждому свое, дорогой доктор. Пусть рабочий — работает, учитель — учит, колхозник — сеет, инженер — строит, доктор — лечит. Это их форма бурь, бурья, так сказать, форма. Их, так сказать, бурья. Но есть личности, переросшие свою среду, свой класс, люди высокого интеллекта, широкого горизонта: люди смелой и новой мысли. У них другая дорога. Дорога цветов.

Доктор. Да, но согласитесь, что это несколько преждевременно. Завьялов. Мабоорот! Несмотря на то, что, вопреки всему, лояная старая форма! В этом настоящем бурит, истощающая бурья, настоящая революция дуга!

Доктор. Сверхчеловек.. Нишнее.. Юберменш.. Завьялов. Как вы сказали? Нишнее? Юберменш? Ах, да, совершенно верно, очень хорошо (быстро достает записную книжку и записывает). — «Сверхчеловек. Нишнее». Так. Спасибо. Да. «Освобожденный человек. Юберменш» — смело и гордо идет по дороге цветов..

— Приходится повторять азбучные истины!

Рис. Ю. Гурвич.

Завьялов — модный доктор, читающий по радио о человеке будущего.

Мама — его жена, обыкновенная женщина, домашняя хозяйка. Доктор — их друг.

Лаутская — теща. Завьялов. Что такое: почта. А? (Берет письма). Ну как дела? Как ты себя чувствуешь? Голова болит? Ну дай я тебе поцелую нежно-нежно, с добрым утром!

Мама. Ты что? Завьялов. А что? Мама. Спит? Завьялов. Почему? Мама. Дырявая голова! Завьялов. В чем дело? Мама. Мы с тобой уже сегодня выжили.

Завьялов. Не может быть. Мама. Какой ты внимательный. Завьялов. И я тебе уже говорил — доброе утро? Мама. Говорила. Завьялов. И уже целовал нежно-нежно-нежно? Мама. Представь себе! Завьялов. Нет. Серьезно? Мама. Совершенно серьезно. Завьялов (смеется). Фантастиче-ски.

Лаутская. Интересно знать, к чужим людям вы так же внимательны, как и к родным? Завьялов (распечатывая письмо). Не понимаю.

Лаутская. Что же тут понимать. Завьялов. Не ощущаю никакой разницы между так называемыми родными и так называемыми родными.

Лаутская. Родные это те, кого мы любим. Завьялов. Ага. А чужие это те, кого мы не любим. Замечательно! Повесть. Повесть. Билет на выставку. Почему я должен любить своих и не любить чужих? Какая между ними принципиальная разница? Я люблю всех. Повесть.

Лаутская. Это ваша новая идея. Завьялов. Это естественное состояние человека будущего.

Мама. Любить всех одинаково? Завьялов. Конечно. Лаутская. Любить всех — значит же любить никого или по крайней мере любить только себя.

Мама. Мама! При капитализме — да. При коммунизме — наоборот. Лаутская. Это чепуха! Завьялов. Почему? Лаутская. Потому что.. Потому что относиться ко всем одинаково можно только тогда, когда все одинаково.

Завьялов. В будущем обществе все и будут одинаковы. Лаутская. Все одинаковы? То есть как это все одинаковы? По-вольте. Ну уж нечего сказать, хо-

рошо ваше будущее общество. Это что же такое: все блондины, и все одинакового роста, и у всех на носу одинаковые признаки, бородавки, что ли, и все одинаково любят рубленные котлеты с морковкой, и все одинаково умные и.. и.. и.. и уж не знаю что.. Нет, мерси. Я на такое будущее общество абсолютно не согласен. Лучше повеситься.

Завьялов. Вы вулгарно понимаете коммунизм. При коммунизме все люди будут поставлены в равные трудовые условия. Каждый будет давать в меру своих способностей и брать в меру своих потребностей. Надо читать Маркса.

Лаутская. У вашего Маркса довольно прозрачно сказано, что форма будущего коммунистического общества неизвестна.

Завьялов. Правильно. И что ж. Маркс это было еще неизвестно. Но исторический процесс развивается. И мы уже можем совершенно научно определить форму будущего общества. Я уже, например, вижу его.

Лаутская. Он его уже видит! Мама. Какое же оно будет, интересно? Завьялов. Оно будет действительно свободным. Людям будет позволено все.

Лаутская. Решительно все? Завьялов. Все, кроме одного. Одно им будет запрещено. Запрещено учредить друг друга. Люди будут свободно развиваться. Человечество будет расти и шуметь, как прекрасный густой лес. Нет, густой лес это не верно. В густом лесу сильные экземпляры растений гибнут слабые. Слабые деревья гибнут, лишние солнца и воздуха в тени сильных. Сильные живут за счет слабых. Густой лес — это не верно. Нет. Наоборот. Редкий, хорошо посаженный, распланированный и расчищенный лес, где каждое дерево имеет право на свою долю воздуха, солнца и дождя. Люди не будут, как и деревья в густом лесу, сплетаться корнями и ветвями, не будут бороться; сильные не будут убивать слабых; каждый человек будет расти и развиваться по-своему, во всю силу своих добрых чувств, талантов, способностей и возможностей.

Мама. А как это практически? Завьялов. Практически очень просто. Высочайшая техника и на основе этой высочайшей техники — города-сады, агрогорода, дома-отели, где каждый человек имеет право на прекрасную совершенно отдельную индивидуальную комнату с ванной, с душем, с искусственным солнцем, с озонированной аппаратурой, с цветками, с постельными принадлежностями.

Лаутская. При коммунизме? Завьялов. При коммунизме! А что ж.. Весьма возможно.

Мама. Что это у вас такое? Доктор. В трамвае оторвали. Весьма возможно, что при коммунизме ревности не будет. Что это у вас, философский диспут?

Завьялов. При коммунизме. Доктор. При коммунизме! А что ж.. Весьма возможно.

Мама. Что это у вас такое? Доктор. В трамвае оторвали. Весьма возможно, что при коммунизме ревности не будет. Что это у вас, философский диспут?

Завьялов. При коммунизме. Доктор. При коммунизме! А что ж.. Весьма возможно.

Мама. Что это у вас такое? Доктор. В трамвае оторвали. Весьма возможно, что при коммунизме ревности не будет. Что это у вас, философский диспут?

Завьялов. При коммунизме. Доктор. При коммунизме! А что ж.. Весьма возможно.

Мама. Что это у вас такое? Доктор. В трамвае оторвали. Весьма возможно, что при коммунизме ревности не будет. Что это у вас, философский диспут?

— Приходится повторять азбучные истины!

НОВАЯ ПЬЕСА И. БАБЕЛЯ

НА АВТОРСКОЙ ЧИТКЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ

После чтения «Марина». Слева направо: И. Бабель, Татьяна Тэсс, Н. Д. Волков, Степанова (МХАТ) О. Л. Книппер-Чехова.

— Пьеса называется «Марина», — сказала И. Бабель, открывая первую страницу рукописи. — Действие происходит в Ленинграде, в первый период революции.

Марина, одна из дочерей ген. Мухоморова, именем которой Бабель назвал свою новую вещь, — отсутствующая героиня пьесы. Она на фронте. На протяжении всех восьми картин ни разу не появляется на сцене. Но, незримо, она присутствует все время. О ней говорят, все говорят с уважением, даже наглый, циничный офицер Висковский. Письмо, присланное ею с фронта родным, составляет содержание целой картины.

Мария существует вне пьесы, но образ ее противопоставляется кучке спекулянтов, темных деловых, шуруриков и подозрительных типов. Это они — действующие лица в пьесе. Восемь картин, сменяющиеся одна другой, проходят в комнате спекулянта Димитрия — скучника, продукт из мешочничества — в квартире отца Марии ген. Мухоморова.

Вторая дочь Мухоморова Людмила — соучастница грязных дел Висковского. При его помощи она старается похитить спекулянта Димитрия, считая, что «лучше еврей, чем кокаинист». Она слышала, что еврей хорошие семьянины, и готова развестись Димитрия с женой и детьми, чтобы, нимало не смущаясь его «спекулянтством», сделать его своим мужем.

Людмила не учла того, что путь ее к Димитрию лежит через полка Висковского. На одной из очередных попок в темной комнате он насилует Людмилу. Его приятель-субутильник, свидетель этой гнусности, выражает ему по этому поводу свое возмущение, возникает ссора, в ход пушено оружие. В результате Людмила вместе со всеми попадает в тюрьму.

Финиш, один из мешочников, случайно спасшийся от ареста, при-

носит Мухоморовым печальную весть. Генерал болен. Сердце его не выдерживает удара. Он умирает.

Последняя сцена. Комната Мухоморова, занятая ярким солнцем. На смену ушедшим жителям приходят новые. В генеральскую квартиру вселяется рабочий и его беременная жена. Начинается уборка. Моют пол, окна.

Такое в общих чертах содержание пьесы. В ней нет сюжетного построения в обычном его понимании. Но жанровые, бытовые сцены тесно связаны между собой. Спектакль и действие пьесы — не в событиях, а в ее образах — Людмила, Димитрий, Висковский. Живет и действует даже отсутствующая Мария.

Писатели, критики, журналисты, художники, артисты, переполненные зал Литературного музея, с напряженным вниманием слушали пьесу. Лакомичный язык, свойственные Бабелю юмор и владение искусством деталей делали «доходчивым» каждое слово. Театр им. Вахтангова, читавший недавно эту пьесу, принял ее к постановке.

Идея «Марина» по замыслу автора — гибель старого мира, которому не по пути с революцией. Продолжение «Марина», над которой сейчас работает Бабель, будет посвящено утверждению новых революционных начал и роли в этом Марии.

Но автор недоволен своим новым творением. Некие пренебрежения, которые, впрочем, можно легко принять за маскируемое смущение, сквозило в джентльменах и юнцовых Бабеля, когда он приступил к пьесе после только что прочитанной, по собственной инициативе, небольшой новеллы о Париже «Улица Данте».

Е. ПЕЛЬСОН.

ДЕЛО Я. ГАНСБУРГА

Третьего дня в зале Оргкомитета ССП СССР началось слушание в выездной сессии московского горсуда под председательством т. С. Б. Яспражского дела по обвинению Якова Гансбурга в литературном мошенничестве (ст. 169, ч. 1-я УК).

В качестве эксперта по делу выделен Иван Вас., привлечены 16 свидетелей. Общественный обвинитель — т. Зорин (Оргкомитет), защищает Гансбург т. Зорохович.

На первых двух заседаниях суд заслушал показания обвиняемого Гансбурга и свидетелей тт. Крутикова, Платонова, проф. Иванова, Личкевича, Левмана и др.

Заседание суда возобновится сегодня в 5 ч. веч. в Оргкомитете (ул. Воровского, 52).

Приговор ожидается сегодня вечером.

ЛИТЕРАТУРНО-МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ НА МЕСТАХ

В ТАМБОВЕ ТИХО

В августе прошлого года бригада писателей во главе с т. Панферовым посетила Тамбов. На одном из литературных вечеров т. Панферов сказал, что после отъезда бригады работа должна продолжаться, местные литературные силы обязаны поднять литературное движение в городе.

Предпосылки благоприятны: в городе издается газета, библиотека — одна из лучших в ЦЧО, три завода: электромоторостроительный, «Ревтруд», вагоностроительный, завод химической аппаратуры.

Летом Тамбовский оргкомитет ССП пытался собирать литературные декадансы, но проводились они неорганизованно и часто срывались. Редакция газеты выпустила только одну литстражку (обещала выпускать регулярно). В ноябре прошлого года сообщалось, что оргкомитет организует литературно-музыкальный вечер. Не дождался.

Литкружки на предприятиях, в клубах бездействуют. В центральной библиотеке задумали было организовать литературный кружок, но оргкомитет не помог, и начинание сошло на нет. Словом, положение т. Панферова не было.

Невольно возникает вопрос, существует ли оргкомитет ССП или это мертвая организация? «Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

Виктор Новиков.

ФАКТИЧЕСКАЯ ПОПРАВКА

В статье Максима Горького «Опустыни» (Литературная Газета) № 17 от 14 февраля 1934 года есть между прочим следующие строки:

«По линии идеологической слабые литераторы наши сугубо беззаботны и даже более того: некоторые хвастаются слабостью идеологического вооружения своего. Так, например, в какой-то газетке я нашел нижеследующее заявление автора «Цусимы» Новикова-Прибоя:

«У меня этого не бывает, чтобы вычеркивать из написанного что-нибудь, хоть строчку... Это вычеркивают те, которые стараются написать как можно больше идеологии и которым приходится сказать: «ты с этой, с позволения сказать, идеологией только сравнишь советскую власть». А у меня идеология в крови и в волосах».

«О составе крови этого писателя мне, разумеется, ничего неизвестно, но волос на голове его, мне помнится, — не очень много, а судя по приведенным его словам — совсем нет волос».

О какой именно газетке идет речь — Алексей Максимович не указывает. В «Литературной газете» от 16 января 1934 года № 3 в заметке «Пролетарская конференция» было напечатано следующее:

«У меня не вычеркнуто ни одной строчки, как это часто случается

ВЕЧЕР ПАМЯТИ Э. БАГРИЦКОГО

28 февраля в театре им. Вахтангова состоялся организованный Оргкомитетом Союза советских писателей и театром им. Вахтангова траурный вечер, посвященный памяти Эдуарда Багрицкого.

С воспоминаниями, относящимися к первым годам поэтической деятельности Багрицкого, выступили Ю. Олеша и В. Катаев. Стихи, посвя-

Ю. Олеша читает свои воспоминания о встречах с Э. Багрицким.

щенные памяти покойного или же написанные под его непосредственным влиянием, прочитали поэты В. Луговской, Я. Смеляков, М. Зенкевич и др.

Центральной частью вечера являлась демонстрация записанного на пленку голоса Багрицкого. Присутствующие услышали в исполнении покойного поэта его стихи «Смерть пионеры», отрывки из «Думы про Опанаса» и великолепно прочитанные стихотворения Александра Блока.

Очень жаль, что на вечере не было выступления М. Тардовского. Его стихи «Памяти Багрицкого» — прекрасные образцы поэтического литературного «эпигонства».

О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДСТВЕ Э. Г. БАГРИЦКОГО

Всесоюзным оргкомитетом ССП утверждена комиссия по сбору и разбору литературного наследства Э. Г. Багрицкого в следующем составе: Л. Багрицкая-Суок, Н. Дементьев, В. Катаев, В. Луговской, Д. Марский, А. Селивановский, О. Шестовский секретарь. Комиссия утверждена Н. И. Харджием.

Комиссия обращается с просьбой ко всем товарищам доставить ей сохранившиеся у них на руках материалы, входящие в литературное наследство Э. Г. Багрицкого: а) рукописи произведений поэта; б) рукописи произведений (стихи, статьи, заметки, выписки, воспоминания и пр.), а также соответствующие сборники или периодические издания, где они были опубликованы, в особенности за годы гражданской войны и годы жизни Э. Багрицкого в Одессе; в) рисунки, принадлежащие перу Э. Багрицкого, а также произведения с его зарисовками художников или фотоснимки; г) письма Э. Багрицкого, а также и другие материалы.

Получение этих материалов особенно необходимо в связи с подготовкой к изданию альманаха, посвященного памяти Багрицкого, и в связи с тем, что сборники его сочинений, в особенности за годы гражданской войны и годы жизни Э. Багрицкого в Одессе; в) рисунки, принадлежащие перу Э. Багрицкого, а также произведения с его зарисовками художников или фотоснимки; г) письма Э. Багрицкого, а также и другие материалы.

Адрес комиссии: Москва, Тверской бульвар, д. 25, «Литературная газета», для Н. И. Харджиева.

Комиссия доводит до сведения всех издателей и редакций, что авторские права на издание и переиздание произведений Э. Багрицкого по закону переходят к Л. Г. Багрицкой-Суок. Без ведома ее и без ведома комиссии ни одно из ранее опубликованных, либо не опубликованных произведений Э. Г. Багрицкого не может появляться в печати.

Л. БАГРИЦКАЯ-СУОК, Н. ДЕМЕНТЬЕВ, В. КАТАЕВ, В. ЛУГОВСКОЙ, Д. МИРСКИЙ, А. СЕЛИВАНОВСКИЙ, Н. ХАРДЖИЕВ.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

2 марта 1934 г.

ВЫСТАВКА КАРТИН В ЭРИВАНИ

Выставка картин в Эривани, развернувшаяся в десятке зал Дома культуры, подытоживает тринадцатилетнюю работу художников под эгидой советизации Армении (ноябрь 1920 г.). По количеству участников, обилию экспонатов и качеству работ она говорит о напряженной деятельности художников Армянской советской республики. На выставке широко представлены станковисты, графики, скульпторы, архитекторы (специальный зал, где выставлен ряд проектов новых городов, новых зданий государственных и культурных учреждений и т. д.).

Организаторы разбили весь материал по годам — по периодам. Такая разбивка с большой убедительностью демонстрирует рост искусства в целом. Чем дальше, тем интенсивнее работа художников, тем больше продуктивность, растет количество картин и усиливается связь художников с социалистической действительностью. Достижения социализма в Армении — крупные стройки: Дзоргес, Ширакский канал — находят свое отражение в живописи, в графике, и будущие стройки — в художественных проектах зданий (проект оперы арх. Тамазяна и др.). Но этот способ обладает и значительным недостатком, так как затрудняет представление о творческой эволюции отдельных, наиболее выдающихся мастеров, работавших в разные периоды. Развернутый показ работ таких художников, как Сарьян или Колдунян, был бы более целесообразен.

Сарьян выставил только часть сделанного за отчетный период в области станковой живописи. Его иллюстрационные и театральные работы (например, постановка оперы «Алмаз» в Эривани) не нашли отражения на выставке. Творчество такого, казалось бы, законченного, зрелого мастера находится сейчас на новом этапе, который может показаться неожиданным для тех, кто привык к условно-декоративному «Сарьяну». М. Сарьян сейчас

«Колхозники» худ. Сарьян (1933).

Сарьян выступает как мастер, умеющий передавать языком красок и линий творческий энтузиазм своей страны. К лучшим сарьяновским полотнам должны быть отнесены его новые работы: «Дети и фрукты», «Улица» — в армянских садах, а также портреты Иоаннисяна, Черенца и др.

Колдунян демонстрирует ряд графических и живописных работ. Колдунян — график, мастер большой профессиональной культуры. Он пользуется заслуженной известностью как оформитель книги.

А. Л. Г.

О КЛАССИКАХ НА ДЕТСКОЙ СЦЕНЕ

Четыре классические пьесы («Воспитанница» и «Сон людской совести» Островского, «Сам у себя под стражей» Кальдерона и «Алжакот Пате-тен») были в текущем сезоне показаны детскими театрами Москвы.

Огромную тягу к классическому репертуару обнаруживают и периферийные труппы. Это, бесспорно, должно явиться предметом серьезных размышлений, это обязывает к решительному развертыванию дискуссии о проблеме освоения классического наследия таким важным участком нашего искусства, как детский театр.

К сожалению, дискуссия, проведенная 27 февраля в автономной секции драматургов, в этом смысле себя не оправдала. Она привлекла многочисленную аудиторию, состоявшую из драматургов, актеров, режиссеров и педагогов. Споры были долгие и страстные. Но тем не менее существо проблемы как-то выпало из поля зрения спорщиков, а следовательно, и из рамок обсуждения. Никто — ни докладчик т. Э. Шпет, ни участвовавшие в прениях тт. С. Ауслендер, С. Луначарская, Любимский и др. — не поставил со всей остротой вопроса: есть ли, и какая именно, грань между проблемой овладения классикой во «взрослом» театре и в детском театре?

Центр обсуждения переместился в плоскость разрозненных и противоречивых разговоров о спектаклях как таковых. Особенный «разлад» породил при этом интересная постановка Лобанова в Бауманском театре рабочих ребят «Воспитанница» Островского. Нависшие ораторы, которых очень испугало то обстоятельство, что постановщик не замаскировал любовную линию «Воспитанницы».

При всех расхождениях, которые обнаружались также при обсуждении других классических постановок в московских труппах, в одном выводе все оказались солидарными: спектакли эти дают обильный материал для спора, ибо они значительнее поднимают над уровнем всего того, что детские театры показывали до сих пор. Нужно, чтобы театральная критика в порядке показа от своих месячных позиций в отношении детских театров не отстранялась от этих споров.

ДЕЛЬМАН.

С. Ф. Ольденбург

28 февраля умер от рака желудка крупнейший ученый-востоковед Сергей Федорович Ольденбург.

Сергей Федорович родился в 1863 году; поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. По окончании курса был оставлен при университете. В 1889 году выдержал магистерский экзамен. В 1890 году Ольденбург избран адъюнктом Академии наук, в 1903 году — экстраординарным академиком, в 1908 году — ordinary академиком. С 1904 года С. Ф. Ольденбург избран непреклонным секретарем академии. На этом посту оставался в течение 26 лет.

С. Ф. Ольденбург вел большую организационную работу. Ольденбург являлся крупнейшим ученым в области истории, литературы и восточных языков, большим знатоком фольклора. Он был председателем фольклорной комиссии и директором Института Востоковедения Академии наук и заведывал филантом Академии наук в Таджикистане.

Ольденбург редактировал ряд изданий по вопросам востоковедения, написал свыше 300 трудов по изучению, главным образом, Индии и Ирана. Автор многих научных трудов, он широко известен и за пределами СССР.

Специальная статья о научной работе С. Ф. Ольденбурга будет помещена в одном из ближайших номеров нашей газеты.

ИЗВЕЩЕНИЯ

4 марта, в 10 час., в Коммунальном (Болотная 14, зал президиума) — продолжение прений по докладу т. Харченко «Пушкин».

4 марта, в 19 час., в зале «Молодая гвардия» (Новая пл., 8) — собрание группы писателей научно-художественного жанра. Обсуждение рукописи Д. Липовицкого «Биография Эпана».

4 марта, в 19 час., в Вечернем литературном (Тверской бульвар, 25) — доклад т. Оганесян об итогах XVII партсбора.

5 марта, в 19 час., в Оргкомитете ССП (ул. Воровского, 52) — организационное собрание, посвященное 10-летию Октябрьской революции.

5 марта, в 19 час., в ИКПИ (Литературный, 53, актовый зал) — лекция т. Михайловой «Ермонтов».

КНИГИ ПОКУПАЕТ

Моск. т-во писателей: ул. Горького, 12, магазин № 1, ул. Горького, 20, магазин № 2. Тел. 7-44.

Классики, искусство, философия и др. на русском и иностранных языках дореволюцион. и нов. издан.

СРОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИБРЕТТО И СЦЕНАРИЕВ

НА КОНКУРС, ОБЪЯВЛЕННЫЙ НАРКОМПРОСМ БССР И ТРЕСТОМ БЕЛГОСКИНО

ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

а) по либретто до 1-го мая 1934 г.

б) по сценариям до 1-го июля 1934 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „РОСТ“

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ МАССОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Станет вопросом работы литературных кружков на предприятиях, совхозах и колхозах.

Ведет работу с молодыми писателями, печатает их лучшие произведения, консультирует творчество начинающих.

Печатает учебные материалы в помощь молодому писателю.

Освещает все вопросы, связанные с развертыванием массового литературного движения.

Дает образцы современной советской и западной революционной литературы.

В журнале отклики: прозы, поэзия, критика. «Как работать классики», «Как писать», «Отрывки из литературных», «Мой творческий опыт», «Творчество молодых писателей», «Смелый литературный шаг».

Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.

Подписка принимается: Москва, 4-й Стройотдел, 14, Жургазобединение и повсеместно почтой и отделениями Совнацпеч.

Жургазобединение.

Жургазобединение.

Жургазобединение.

Жургазобединение.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ № 3 ЛИТЕРАТУРНО-ОЧЕРКОВОГО ЖУРНАЛА

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

Под редакцией М. ГОРЬКОГО.

В номере, опубликованном по объему (192 стр.), советская наука, ее грандиозные достижения в борьбе за познание природы человека.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

Г. Пиралов — Наука на Западе и у нас
Л. Роскин — Византизм и наука
Е. Стрелова — Академия в Тифлисе
М. Воронин — Беседы с академиками Богомоловым, Паладиным, Гольдманом и Фоминим (Восточная Академия наук)
А. Поповский — Лично к человеку
Проф. Р. Самойлович — Борьба за Азию
Проф. Я. Дорфман — Будущее техники
Н. Штерлинг — Лаборатория в 1.000.000 гектаров
Н. Витязевский — Проблема Агулона
М. — Ошибочные машины
Л. Польский — Каменные люди
Л. Бабель и Лерон — Шайтан риде
Л. Черняк — Порода
М. Вистин — Кухня миллионеров
В. Львов — Разгадка продолжения
Г. Адамс — Звезда в Тигре и др.

В тридцати восьми очерках номера рассказано о достижениях советской микробиологии, физики, биологии, океанологии, медицины и т. д.

Об управлении машинами на расстоянии, о перелетах в крови, об использовании подземного тепла и энергии солнца.

О гидризации домашних животных, о плавке камня, об общественном питании, о стандартизации машин, о многом другом.

Номер богат иллюстрациями.

Цена номера 1 р. 25 к.

Требуйте в киосках Союзпечати.

Подписная цена: 12 мес. — 15 руб.; 6 мес. — 7 р. 50 к.; 3 мес. — 3 р. 75 коп.

Подписка принимается: Москва 6, Стройотдел, 14, Жургазобединение, повсеместно почтой и отделениями Совнацпеч.

Жургазобединение.

Жургазобединение.

Жургазобединение.

Жургазобединение.